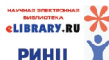

Информация для цитирования:

Осмухина О. Ю. Специфика структуры Bildungsroman в фазе протоканона соцреализма / О. Ю. Осмухина, Е. П. Овсянникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 321—344. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-321-344.

Osmukhina, O. Yu., Ovsyannikova, E. P. (2024). Specifics of Bildungsroman Structure in Protocanon Phase of Socialist Realism. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 321-344. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-321-344. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Специфика структуры Bildungsroman в фазе протоканона соцреализма

Осмухина Ольга Юрьевна¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,

**корреспондирующий автор*

osmukhina@inbox.ru

Овсянникова Екатерина Павловна²

orcid.org/0000-0002-2740-9178

исполнитель проекта, отдел
сопровождения научных проектов
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

²Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-18-01007,
<https://rscf.ru/project/23-18-01007/>;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Specifics of Bildungsroman Structure in Protocanon Phase of Socialist Realism

Olga Yu. Osmukhina¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,

**Corresponding author*

osmukhina@inbox.ru

Ekaterina P. Ovsyannikova²

orcid.org/0000-0002-2740-9178

Project executor, Scientific Project
Support Department
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

²Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
№ 23-18-01007,
<https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>;
Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

Аннотация:

В статье изучаются советские романы середины 1920-х — начала 1930-х годов, тяготеющие к жанровой традиции романа воспитания («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, «Школа» А. Гайдара, «Матвей Коренистов» А. Бондина, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Я люблю» А. Авдеенко), которые «подготовили» универсальную модель соцреалистического романа становления личности героя, определив во многом его структуру в последующие десятилетия. Установлено, что, во-первых, объединяющим свойством соцреалистических романов о становлении личности становится акцентированный сюжет о трудном детстве протагониста (герой растет в неполной семье, семья не участвует в его воспитании), его побеге из дома и обнаружении им друга, который впервые сообщает герою революционные настроения; его функциональная роль — медиатор на границе двух миров — «старого» и «нового». Во-вторых, одним из обязательных событий, в которых герой принимает участие, становится митинг (стачка) как место проверки героя на идеологическую верность или пространство формирования его взглядов. В-третьих, пограничным событием, разделяющим жизнь героя в нарративе соцреалистического романа, является Октябрьская революция, участие в которой позволяет обрести протагонисту «большую семью». Наконец, нарратив соцреалистического романа воспитания и перевоспитания представляет собой чередование устойчивых мотивов: одиночества, признания ошибок, получения второго шанса, принесения себя в жертву.

Ключевые слова:

советская литература; соцреализм; роман воспитания; фаза протоканона соцреализма; мотивный комплекс.

Abstract:

The article examines the Soviet novels of the mid-1920s — early 1930s, gravitating towards the genre tradition of the Bildungsroman (D. Furmanov's "Chapaev", A. Fadeev's "Razгром", N. Ognev's "Diary of Kostya Ryabtsev", A. Gaidar's "School", A. Bondin's "Matvey Korenistov", B. Yasensky's "A Man Changes Skin" and A. Avdeenko's "I Love"), which "prepared" the universal model of the socialist realist novel of the hero's personality formation, largely determining its structure in the following decades. It is established that, first, the unifying feature of socialist realist novels about the formation of personality is an accentuated plot about the protagonist's difficult childhood (the hero grows up in an incomplete family, the family does not participate in his upbringing), his escape from home and his discovery of a friend, who for the first time informs the hero of revolutionary sentiments; his functional role is a mediator on the border of two worlds — "old" and "new". Secondly, one of the obligatory events in which the hero takes part is the rally (strike) as a place where the hero's ideological allegiance is tested or where his views are formed. Third, the boundary event that separates the hero's life in the narrative of the socialist realist novel is the October Revolution, participation in which allows the protagonist to find a "big family". Finally, the narrative of the socialist realist Bildungsroman and re-education is an alternation of stable motifs: loneliness, recognizing mistakes, getting a second chance, and sacrificing oneself.

Key words:

Soviet literature; socialist realism; Bildungsroman; protocanon phase of socialist realism; motive complex.

УДК 821.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-321-344

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Специфика структуры Bildungsroman в фазе протоканона соцреализма

© Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П., 2024

1. Введение = Introduction

Общезвестно, что соцреализм был «официально» утвержден в качестве единственно верного метода советской литературы на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году, однако ряд исследователей [Кларк, 2002; Литовская, 2008; Синявский, 1988] называют каноническими текстами соцреализма романы, написанные до 1934 года — момента официального утверждения устава, в котором впервые было сформулировано определение соцреализма как основного метода советской художественной литературы и литературной критики [Кларк, 2002, с. 716]. Так, к канону относят «Мать» М. Горького, «Чапаева» Д. Фурманова, «Цемент» Ф. Гладкова. Катерина Кларк объясняет это следующим образом: «После того, как соцреализм “создали”, многие тексты стали читаться по-другому, чем во время их написания» [Кларк, 2000, с. 18]. Исследовательница отмечает, что каждое из произведений одновременно стало и образцом, и предшественником: «“Разгром” как предшественник не равен “Разгрому” образцу» [Кларк, 2000, с. 18]. Таким образом, эти романы не создавались как образцы, но были выбраны и признаны в этом качестве позднее. Подтверждает эту мысль и сам устав: «За годы пролетарской диктатуры советская художественная литература и советская литературная критика, идя с рабочим классом, руководимые коммунистической партией, выработали свои, новые творческие принципы», которые «нашли главное свое выражение в принципах социалистического реализма» [Первый Всесоюзный съезд ..., 1934, с. 716]. Однако, на наш взгляд, отсутствие четкой периодизации в этом вопросе чревато путаницей в отношении других художественных текстов 1920-х годов, вследствие чего может возникнуть тенденция к искусственному «раздуванию» границ соцреализма.

Процесс формирования соцреалистического канона наиболее убедительно описан Х. Гюнтером [Гюнтер, 2000]. Осмысливая исторический процесс развития советского общества, исследователь выделяет пять фаз, которые прошел соцреализм в своем бытовании: подготовительную

фазу протоканона, фазу канонизации, фазу применения канона, фазу деканонизации и постканоническую стадию [Гюнтер, 2000, с. 181—182]. Подобное деление, на наш взгляд, представляется весьма удачным, поскольку хронологическими рамками очерчивает круг текстов, относящихся к той или иной фазе. Таким образом, если принимать во внимание периодизацию Х. Гюнтера, *актуальность* обретают выявление и анализ произведений фазы формирования соцреалистического канона, поскольку именно они «подготовили» универсальную модель соцреалистического романа, определив во многом его структуру в последующие десятилетия.

Оговоримся, что крупнейшими исследователями соцреалистической словесности и — шире — соцреалистического дискурса не раз отмечалась структурная схожесть романов сталинской эпохи с волшебной сказкой [Кларк, 2002; Лейдерман, 2000], однако структурные (морфологические) функции последней в соцреалистических произведениях неустойчивы: они могут присутствовать, как, например, в «Двух капитанах» В. Каверина, а могут — и это проявляется много чаще — и вовсе отсутствовать, как, к примеру, в «Разгроме» А. Фадеева, «Чапаева» Д. Фурманова, «Школе» А. Гайдара и т. д. Поэтому проецировать морфологию волшебной сказки [Пропп, 2000, 2001] на нарративную схему соцреалистических романов, на наш взгляд, весьма не продуктивно, ибо его составные элементы организованы более свободно. При этом отчетливая схематичность и типичность нарратива советского соцреалистического романа закономерно позволяют выделить устойчивые элементы, которые и реализуют программу воспитания «нового человека».

Объект нашего исследования — романы о становлении личности отечественной словесности середины 1920-х — начала 1930-х годов, формирующие протоканон будущей соцреалистической словесности; **предмет** — наиболее репрезентативные с точки зрения заявленной проблематики романы. В связи с актуализацией интереса гуманитаристики к феномену соцреализма [Гюнтер, 2000; Добренко, 1997, 2007, 2020; Кларк, 2002; Лейдерман, 2000; Литовская, 2008] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается обширный пласт художественных произведений, не только хронологически к нему не относящихся, но, с одной стороны, содержащих его черты, а с другой — продолжающих традицию классического Bildungsroman. **Научная новизна** настоящей статьи состоит в том, что целостный анализ фазы соцреалистического протоканона впервые предпринят в контексте проблемы романа становления личности, что позволяет, во-первых, расширить научное представление о художественном своеобразии соцреа-

лизма и его хронологических границах; во-вторых, осмыслить специфику преломления традиции Bildungsroman в романах соцреализма.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Начнем с очевидного: процесс формирования личности в романах фазы протоканона соцреализма обнаруживает ряд схожих нарративных элементов, функцией которых является регулировка развития протагониста. Сравнение романов, которые транслируют программу воспитания нового человека или же перевоспитания «старого», со всей очевидностью свидетельствует о схожести их нарративов. *Материал исследования* составили транслирующие жанровую традицию Bildungsroman (в том числе и перевоспитания) этого периода романы Д. Фурманова «Чапаев» (1923), А. Фадеева «Разгром» (1926), Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» (1926), А. Гайдара «Школа» (1929), А. Бондина «Матвей Коренистов» (1928—1934), Б. Ясенского «Человек меняет кожу» (1933), А. Авдеев «Я люблю» (1933), рассмотренные в контексте формирующегося уже в середине 1920-х годов в отечественной литературе соцреалистического дискурса. Подчеркнем, что «Школа» и «Дневник Кости Рябцева», определяемые самими авторами как повести, мы рассматриваем в качестве романов, так как они полностью соответствуют его жанровым признакам.

В статье авторы использовали *комплексный подход*, объединяющий принципы *социокультурного, сравнительно-исторического* методов. Значимым в нашем инструментарии был *метод целостного анализа* литературного произведения, давший возможность осмыслить проблемно-тематические особенности романов фазы протоканона соцреализма в неразрывной связи и единстве с её структурным уровнем.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения феномена соцреализма [Гюнтер, 2000; Добренко, 1997, 2007, 2020; Кларк, 2002; Лейдерман, 2000; Литовская, 2008; Соцреалистический канон, 2000; Шалагинов, 2006; Gunther, 1990], а также ключевые литературоведческие работы, касающиеся истории и теории романа воспитания [Дialeктова, 1972; Маслова, 2002; Осьмухина, Куряев, 2016; Пашигорев, 1993; Castle, 2006; Jakobs, 1972; Jost, 1969; Moretti, 1987; Selbmann, 1994; Swales, 1978]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имела теория романа М. М. Бахтина [Бахтин, 1986, 2012].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории жанра, жан-

ровой специфике романа воспитания, а также непосредственно творчеству творцов соцреалистического дискурса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Специфика исходной ситуации жизненного пути героя Bildungsroman фазы протоканона соцреализма

Период детства, обязательный для жанровой традиции романа воспитания, как правило, сохранен в соцреалистических романах и представлен либо линейно, либо в ретроспекции. Если герой и появляется на страницах романа уже повзрослевшим, *исходная ситуация его жизненного пути* характеризуется рядом устойчивых характеристик.

Прежде всего сообщение о происхождении протагониста. Он — выходец из рабочего класса. Информация в романах может быть представлена как в качестве упоминания («Разгром», «Школа», «Дневник Кости Рябцева»), так и в виде самостоятельной истории (в романе «Я люблю» повествование о жизненном пути Саньки Голоты предваряется подробным рассказом о тяжелой трудовой жизни двух поколений его предков). Подчеркнутый выход протагониста из среды народных масс а priori создает идеологическую оппозицию «пролетариат — буржуазия» и позволяет трактовать главного героя как перспективную для воспитания личность. Примечательно при этом, что кровное родство не играет ключевой роли: Чапаев, по крови являющийся сыном дочери казанского губернатора и артиста-цыгана, сразу же после рождения отдан на воспитание брату дворника. Таким образом, соцреалистический роман выдвигает на первый план не родословную героя как таковую, а среду, в которой он растет.

Исключение здесь составляет роман перевоспитания, в котором происхождение героя не имеет ключевого значения. Напротив, в романах, транслирующих идею «перековки» человека, важны либо полное принятие протагонистом старого жизненного уклада («Матвей Коренистов» А. Бондина), либо убежденность его в силе капитализма: американский инженер Джим Кларк в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» приезжает в Россию с твердой уверенностью, что богатство является «единственным стимулом человеческой изобретательности и энергии» [Ясенский, 1988, с. 10]. Тем самым очерчивается резкий контраст между происхождением протагониста и результатом его формирования, который и позволяет говорить о «перековке» личности.

Следующим свойством соцреалистических романов о становлении личности, вне зависимости от того, продолжают ли они жанровую традицию романа воспитания или же повествуют о перевоспитании героя, становится акцентированный сюжет о *трудном детстве* протагониста.

Во-первых, как правило, *герой растет в неполной семье* (в «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева главный герой называет отца «папанькой», в то время как о матери не сказано ни слова; более того, рассуждая об отношениях Сильвы с матерью, он проецирует их на свои отношения с отцом [Кассиль и др., 1988, с. 435]; в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» мать бросает Джима в раннем детстве и сбегает от отца для того, чтобы «устроиться где-нибудь двумя ступеньками выше» [Ясенский, 1988, с. 176]), является сиротой («Чапаев» Фурманова) либо в процессе взросления переживает смерть членов семьи («Школа» А. Гайдара, «Я люблю» А. Авдеенко). «Сиротство» в соцреалистическом романе является не только и не столько следствием ужасов самой переломной эпохи, сколько благодатной почвой для воспитания.

Во-вторых, другая особенность нарратива советского романа проявляется в тесной связи с предыдущей: *семья, как правило, не участвует в воспитании героя*, она как бы выключается из этого процесса — все впечатления, почерпнутые протагонистом в раннем детстве, складываются из тех обстоятельств, которые его окружают. Так, героя Д. Фурманова к девятому году отдали в люди, по которым он *«шатался всю жизнь»* [Фурманов, 1983, с. 93]; Морозка в двенадцать лет *«научился катать вагонетки, говорить ненужные, большие матерные слова и пить водку»* [Фадеев, 2023, с. 8]; более того — краткая его биография обнаруживает инерционное движение: *«Когда пришло время, купил сатиновую рубашу, хромовые, бутылками, сапоги и стал ходить по праздникам на село в долину», «Когда пришло время, Морозку посадили в затхлый, пропахший онучами и клопами полицейский участок», «Когда пришло время, уехал — на фронт»* [Фадеев, 2023, с. 8—9]; Борис Гориков в «Школе» А. Гайдара прямо признается: *«Мать моя, фельдшерница, всегда была занята, и я рос сам по себе»* [Гайдар, 1967, с. 7]; школьные годы Джима Кларка прошли без отца: *«Он пил периодически, тогда не выходил на работу и не ночевал дома»* [Ясенский, 1988, с. 179]; путь Саньки Голоты после смерти всех членов семьи до попадания в коммуны регулируется волей случая. Устранение семьи от процесса воспитания героя формирует в нем ту диалектику стихийности, которая впоследствии подвергнется преодолению. К. Кларк, указывая на эту особенность советского романа, отмечала: «Основополагающая фабула воплощает эту общую линию марксистско-ленинской историографии в биографии “положительных героев”, которые проходят путь от относительной стихийности к высшей форме сознательности» [Кларк, 2002, с. 24].

В-третьих, выключение семьи из воспитательного процесса героя образует лакуну, которую, как правило, занимает *ранний труд*. Именно он становится первым воспитателем протагониста. Так, Чапаев в рассказе при-

знается Федору Клычкову, что с раннего детства пас овец и учился плотничеству [Фурманов, 1983, с. 93], Морозка работал на руднике [Фадеев, 2023, с. 8], Санька Голота каждый день поднимается с рассветом, чтобы идти на Шлаковый откос *«собирать чугунный скрап»* [Авдеенко, 1979, с. 124].

Наконец, некоторые протагонисты в своем становлении проходят через *воровство*. Это необязательный мотив в советском романе протоканона, однако он обнаруживается в ряде произведений. Интересно, что в романе Д. Фурманова «Чапаев» воровство не приносит герою удовлетворения, он с легкостью избавляется от порока, самостоятельно осознав губительность выбранного пути: *«Торговать научился, воровать норовился, да не вышло ничего — очень уж не по душе был этот мне обман»* [Фурманов, 1983, с. 93]. Однако такая легкость принятия решений объяснима: герой на протяжении романа воспитывается, не преодолевая препятствий, что, по мнению К. Кларк, соответствует мифологизированному типу сюжета и наличию надперсональных черт героя: «движение от стихийности к сознательности предопределено Историей, не объясняется средствами сюжета» [Кларк, 2002, с. 81]. Другое дело Мечик в «Разгроме» и Санька Голота в романе «Я люблю». Для этих героев приобщение к воровству, пусть даже и невольное, не проходит внезапно, бесследно и одним усилием мысли. Мечик, уже будучи в отряде Левинсона, позволяет себе украсть дыни с бахчи [Фадеев, 2023, с. 21—22], а Санька дважды попадает в воровскую среду, после которой точный, аккуратный распорядок коммуны кажется ему нудным до слез. Выход из новой, слишком правильной и тоскливой жизни возможен для него только один — обратно, *«в вольную, собачью жизнь»* [Авдеенко, 1979, с. 212], и правильный выбор дается Саньке нелегко: возвращая украденное, он сомневается, мечется в своем решении, преодолевает свое прошлое.

Трудное детство романских героев стало отображением социальных и исторических реалий 1920—1930-х годов, когда после Первой мировой войны, революционных событий и гражданской междоусобицы эпидемии и сложное материальное положение семей выключали родителей из воспитательного процесса.

3.2. Функциональная роль наставника (друга) в становлении личности протагониста

Принципиально значимым в развитии героя в детские годы является *обнаружение друга, который впервые сообщает герою революционные настроения или же приносит сомнения в его размеренную жизнь*. Как правило, этот друг является медиатором на границе двух миров — старого и нового, он еще сам не перешел черту нового мира, но достаточно просвещен идеологически. Эта амбивалентность позволяет ему быть услышанным. Это еще не учитель в полном смысле этого слова, и встреча эта функционально

призвана зародить сомнения, поколебать дремлющее самосознание героя. Так, в «Дневнике Кости Рябцева» таким другом становится Сережка Блинов, который однажды заявляет Косте, что ему *«как сыну трудящегося элемента»* довольно стыдно общаться с дочерью служителя культа и что *«пролетарское самосознание этого не позволяет»* [Кассиль и др., 1988, с. 421]. С этого момента социальное происхождение становится для Кости значимым. О Французской революции недоуменному Борису Горикову впервые сообщает его друг Федька. Для Бориса это сообщение сродни глупой шутке: *«Ну уж это ты непременно врешь! Какой же на царя может быть суд? Скажем, наш судья, Иван Федорович, воров судит: вот у Плющихи забор сломали — он судит»* [Гайдар, 1967, с. 18]. В следующем разговоре с Федькой Борис задается вопросом о социальном неравенстве, после чего досадует: *«И опять меня взяла досада, почему Федька знает больше меня. Я бы тоже узнал, да не у кого»* [Гайдар, 1967, с. 29]. Именно Федька сообщает Борису о грядущем переустройстве: *«Отец говорил, что скоро все будет на оборот»* [Гайдар, 1967, с. 28]. В повести Н. Бондина «Матвей Коренистов» эта встреча происходит не в детстве, а уже в зрелом возрасте героя, но это объясняется самим построением произведения, которое повествует о перековке личности. Медиатором на границе двух миров для Матвея становится сторож Родион Мокеич. Сам Мокеич принадлежит к старому миру по привычке, при этом умом принимает новые порядки: *«По-моему, так лучше, так проще»*; *«<...> время хорошее подходит»* [Бондин, 1957, с. 379]. Вторая встреча зарождает в Коренистове сомнения: *«Все-таки вспомни-ка, Матвей Инатыч, и били нас и обманывали, а мы все еще старое вспоминаем по-своему»* [Бондин, 1957, с. 392].

В романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» таким медиатором неожиданно для героя становится Мурри: в разговоре с Полозовой он внезапно принимает ее сторону, раскрывая Кларку непостижимую для него сущность социализма, чем приводит Кларку в замешательство: *«Представьте себе полное отрицание общества в нашем понимании: это и будет коммунистическое общество»* [Ясенский, 1988, с. 105]. В романе А. Авдеенко «Я люблю» Васька Ковалик бойко читает Саньке прокламацию, чем вводит его в замешательство: *«Я молчу подавленный. Ну и грамотей же Васька! Столько же ему лет, сколько и мне, в школу не ходит, живет тут же, на Собачеевке в земляной халупе, а как вознесся! Я еле-еле по складам букварь читаю, а он...»* [Авдеенко, 1979, с. 132]. Таким образом, в некоторых романах медиатор выступает в качестве примера для протагониста — он находится несколько впереди его, обладая тем, чему еще только предстоит научиться герою: стремлением к грамотности (Родион Мокеич, Васька Ковалик), пониманием порядков нового мира (Сережка Блинов, Федька, Мурри).

Одним из обязательных событий, в которых герой принимает активное участие либо — чаще — выступает в роли сочувствующего молчаливого свидетеля, становится *митинг / стачка*. Хронотоп митинга предполагает концентрацию в одном пространстве революционно настроенных людей, столкновение мнений и взглядов, предлагает участнику возможность выбора, пусть и молчаливого. Таким образом, стачка в нарративе советского романа становится либо местом проверки героя на идеологическую верность, либо пространством формирования его взглядов, либо точкой, ломающей привычную жизнь героя. Морозка участвует в шахтерской забастовке, после которой отказывается выдавать зачинщиков. Борис Гориков становится свидетелем целого ряда митингов: в Каменке он делает свой первый выбор, отказываясь вместе с Федькой поддержать эссеров, в Нижнем Новгороде митинг становится местом встречи его с бывшим учителем Семеном Ивановичем Галкой. Эта встреча повернет траекторию жизненного пути Бориса в сторону борьбы: выполняя задание Галки он символически получит разрешение взять винтовку [Гайдар, 1967, с. 118]. Для Саньки Голоты митинг станет пространством концентрации нескольких важных событий. Брат Кузьма, представший перед собранием с речью, явит для Саньки пример революционной жертвенности: «<...> смотрю на него, и мне хочется смеяться и кричать, чтоб слышала меня вся площадь: “Это мой брат, революционер, с каторги вернулся, пострадал за правду-матушку”» [Авдеенко, 1979, с. 150]. Здесь Санька впервые постигнет азы коммунизма — революционно настроенный перед митингом Кузьма преподает ему урок отречения от личных чувств: «И Кузьма забыл меня. Брат я ему, дальше сейчас от него, чем чужой Васька» [Авдеенко, 1979, с. 149]. И, наконец, именно митинг станет толчком к бегству из родного города: казаки разгоняют собрание, и под копытами казачьих лошадей оказывается последний из семьи Саньки — Кузьма [Авдеенко, 1979, с. 151].

С митингом также сопряжен такой поступок главного героя, как *агитация или участие в раздаче листовок*. Эпизод этот в нарративе советского романа не обязателен, однако его появление в сюжетной канве делает героя не просто наблюдателем или пассивным зрителем, но непосредственным участником революционной борьбы. Борис Гориков обретает веру в «светлое царство», которое «пролетариат завоюет с оружием в руках» [Гайдар, 1967, с. 109], расклеивая плакаты с лозунгами. И его побег из дома уже кажется ему «нужным и осмысленным» [Гайдар, 1967, с. 111]. Санька Голота, рискуя арестом, распахивает с Васькой Коваликом в толпе прокламации. Именно в этот момент Голота, который вскоре будет воровать и сочтет такую жизнь свободной, уверен, что делает правое дело: «Только мы с Коваликом не подчиняемся власти копейки. Не торговать,

не покупать мы сюда пришли, не попрошайничать <...>. Правду людям принесли» [Авдеенко, 1979, с. 133—134].

3.3. Мотивная структура соцреалистического романа о становлении личности

Устойчивый мотив Bildungsroman — *уход протагониста из дома / родного города*. В соцреалистическом романе протоканона этот уход, как правило, спонтанный (уход-бегство).

Бегство протагониста из родного города не является обдуманном поступком и вызвано обстоятельствами. Расширение границ познаваемого мира, характерное для классической схемы Bildungsroman, в соцреалистическом романе не имеет первостепенного значения. Преодоление пространственной границы родного города в классическом романе воспитания связано также с выходом протагониста из «зоны комфорта». В соцреалистическом же нарративе период детства героя, напротив, максимально дискомфортен и тяжел, а потому эта функция в сюжетостроении советского романа переосмысливается. Познание осуществляется героем не посредством столкновения героя с окружающим его миром, а строго внутри системы, в которую он попадает. Бегство как таковое связано не столько со стремлением к познанию, не с необходимостью развиваться в идеологическом русле, а с тем, что дом либо становится небезопасен, либо постепенно становится идеологически чужим пространством для протагониста.

Так, в «Чапаеве» Д. Фурманова бегство героя связано с разочарованием в капитализме: *«Купец — он чистым живет обманом, а ежели обмана не будет в купце, — жить ему сразу станет нечем. Вот я тогда это все и понял, а как понял — ничем тут меня не вразумишь: не хочу да не хочу, так и ушел. <...> Плюнул я на торговлю в тот раз и подумал промеж себя: чего же, мол, делать-то я стану, сирота?»* [Фурманов, 1983, с. 93].

Герой «Разгрома» А. Фадеева Морозка окончательно бежит из родного города, едва вернувшись в него после Революции — власть Советов не укрепились, и его не приняли на рудниках. Борис Гориков вынужденно бежит из дома ночью: в школе Федька предал его, и он может быть арестован, мать отобрала единственную память от отца — маузер: *«Что же теперь делать? Домой возвращаться нельзя, в школу нельзя»* [Фадеев, 2023, с. 96]. Бегство Саньки Голоты в романе А. Авдеенко происходит в момент неудавшегося митинга, разогнанного казаками, оно настолько спонтанно, что герой сам не осознает его: *«Бежал и бежал, не зная, куда несут меня ноги»* [Авдеенко, 1979, с. 151].

Примечательно, что пограничным событием, разделяющим жизнь протагониста на «до» и «после», в нарративе соцреалистического романа, является *Октябрьская революция*. Как правило, революционные события

в фабуле романа сопряжены с бегством из дома: они либо совпадают с ним («Я люблю» А. Авдеев), либо следуют вскоре после ухода протагониста («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Школа» А. Гайдара). Одно очевидно: старая жизнь становится непригодной для героя, и наступление революции легализует, оправдывает этот вынужденный побег. Еще один мотив (и он более устойчив), с которым сопряжена Октябрьская революция, — **выход протагониста в «большую семью»**. Впервые понятие «сталинского мифа о большой семье», как известно, было введено К. Кларк в монографии «Советский роман: история как ритуал» [Кларк, 2002]: «Руководители советского общества сделали “отцами” (во главе с патриархом Сталиным); национальные герои стали “сыновьями”, а государство — “семьей” или “племенем” [Кларк, 2002, с. 102]. Функцией этого мифа стала возможность утверждения власти Сталина, а именно — внушение советскому человеку, что только находясь внутри семьи он способен выжить.

Итак, обретение «большой семьи» в соцреалистическом романе — это вовлечение протагониста в группу или отряд, идеология которого соответствует коммунистическим настроениям. В анализируемых произведениях это — бойцы Красной армии. Происходит своеобразная подмена настоящей семьи, которой герой либо не знал вовсе, либо был исключен из нее обстоятельствами.

Мотив включения в «большую семью» в нарративе соцреалистического романа может локализоваться в двух точках сюжета. В первом варианте побег из дома и свершение Октябрьской революции прямо-таки толкают героя в «большую семью», в которой он находит все то, чего был лишен в родительском доме: поддержку, заботу, важные жизненные уроки, но главное — ощущение нужности. Во втором варианте вход в «большую семью» происходит в пиковый момент воспитательной программы протагониста. Однако вне зависимости от места расположения этого мотива функционально он представляет собой особую милость, проявленную к герою. По справедливому замечанию К. Кларк, «в большой сказке советском обществе каждый человек был сиротой, откуда “великая семья” не помогла ему стать личностью» [Кларк, 2002, с. 122]. В некоторых романах мотив входа в «большую семью» реализуется в обоих вариантах и появляется в нарративе дважды.

Обретение «большой семьи» после свершения Октябрьской революции — первый вариант реализации мотива — проявляется в романах А. Фадеева «Разгром», Д. Фурманова «Чапаев», А. Гайдара «Школа», А. Авдеев «Я люблю». В «Разгроме» А. Фадеева Морозка, не принятый на рудники по возвращении домой, волей случая попадает в отряд Левинсона. Исключительную значимость этого события в своей жизни Морозка

осознает лишь после суда, который учинил над ним отряд: *«Картина сходки, когда он чуть не вылетел из отряда, внезапно стала перед глазами, и сразу что-то защемило. Морозка только теперь почувствовал, что это событие было, может, самым важным для него за последний месяц — гораздо важнее того, что произошло в госпитале»* [Фадеев, 2023, с. 63]. Борис Гориков в «Школе» А. Гайдара, горько скитавшийся некоторое время после бегства из родного города, наконец ощущает себя внутри «семьи». Сам он описывает причастность к отряду Шебалова как истинное счастье: *«Почувствовав себя необыкновенно счастливым и удачливым, я улыбался, шагая к новым товарищам»* [Гайдар, 1967, с. 140]. В романе А. Авдеенко «Я люблю» Санька Голота вступает в «большую семью» спустя некоторое время после свершения революции. Попав на бронепоезд к бойцам красной армии, он фактически милостиво «вырван из рук» воровской жизни: *«Никто не напоминает мне о беспризорничестве, о жестком Крылатом, о крючнике Балалайке. Да я и сам не вспоминаю о старой жизни. Куда-то далеко-далеко отступила она от меня. <...> вижу свое чистое лицо и не верю, что недавно оно было в ссадинах и струпьях. <...> Руки теперь чистые. Каждый день я их мою с мылом. Каждый день утираюсь настоящим полотенцем. И чудно и хорошо...»* [Авдеенко, 1979, с. 177]. Разительный контраст составляет жизнь героя «до» и «после» входа в «большую семью». Причем контраст этот затрагивает не только душевное преображение героя, но и — что немало важно для соцреализма — его физическое состояние. Таким образом, происходит намеренное и наглядное сопоставление нахождения человека вне «семьи» как в пространстве, губительном для героя, и внутри нее — в месте живительной силы. В романе Д. Фурманова «Чапаев» мотив вступления в «большую семью» реализован несколько иначе, чем в предыдущих романах: герой, потеряв настоящую семью, создает ей замену — собственный отряд, во главе которого становится. Клычков свидетельствует об этом в своих записках: *«Одна семья! <...> это одна и крепко свитая пачка людей, только перевита она другими узами только отеканилась она в своеобразную форму: их свила, спаяла кочевая, боевая, полная опасностей жизнь, их сблизил мужество, личная отвага, <...> — вся многотрудная и красочная жизнь, проведенная вместе, плечом к плечу, в строю, в бою. Чапаев выделялся»* [Фурманов, 1983, с. 46—47].

Очевидно, что первый вариант «входа» героя в «большую семью» в нарративе романа чаще приближен к периоду детства героя, составляет с ним резкий контраст и происходит после свершения Октябрьской революции. Происходит сопоставление «сиротского существования» протагониста вне «семьи» и счастливого ее обретения в лице красноармейцев. Наблюдается замещение одного мотива другим: лакуна, образовавшаяся в отсутствие на-

стоящей семьи, заполняется появлением в жизни героя идеологической семьи. Поэтому, вероятно, период трудного детства героя в нарративе несет функцию предварения, формирования острой необходимости этой судьбоносной встречи. Октябрьская революция предстает в сюжетостроении романа как событие не только переломного характера, но и как явление, объясняющее весь дальнейший путь героя, высвечивающее все его будущие поступки. Второй вариант мотива о вступлении протагониста в «большую семью» не связан с Октябрьской революцией и реализуется в соцреалистических романах в тесной связи с *мотивом одиночества*.

Мотив одиночества в советском романе, как мы уже отметили, представляет собой своеобразное наказание протагониста, которому он подвергается в результате следования неверному пути или совершения ряда ошибок. Это чувство стоит в оппозиции с чувством единения, которое испытывает герой в «большой семье». При этом в произведениях, реализующих жанровую традицию романа воспитания, герой переживает разобщенность с «семьей», внешне не выключаясь из ее состава, в романах перевоспитания чувство одиночества вызвано нахождением героя на стороне «старого мира». Этот мотив регулярен во всех анализируемых романах.

В романе Д. Фурманова «Чапаев» Федор Клычков в борьбе с самоуверенностью и самодурством героя заставляет его ощутить одиночество: «Теперь, когда Чапаев был пойман на слове, Федор решил процесс обучения довести до конца, уйти и оставить Чапаева в раздумье: “Пусть помучится сомнениями, зато дольше помнить будет...”» И когда Чапаев, оправившись немного от неожиданности, стал уверять, что “не имел в виду ... говорил только о них” и так далее, Федор простился и ушел» [Фурманов, 1983, с. 107]. Чапаев не выдерживает наказания, и вскоре Клычков получает от него записку с признанием своей неправоты.

Морозка в «Разгроме» А. Фадеева одинок на протяжении всего пребывания в отряде Левинсона вплоть до тех пор, пока Гончаренко не показывает ему пример настоящей, «осмысленной и здоровой жизни, в которой нет места ненужным и праздным мыслям» [Фадеев, 2023, с. 123].

В «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева чувство одиночества проникает в душу героя постепенно, параллельно утверждению в нем индивидуализма: Рябцев, ощущая себя пролетарием, не видит собственной стихийности, не признает ее и, соответственно, не предпринимает попыток борьбы с ней. Усиление этого чувства происходит с постепенным бойкотированием Рябцева в школе (сначала с ним перестает общаться Сильва, затем — девочки из его группы, а вскоре «большинство ребят, не говоря о девочках») начинают сторониться его [Кассиль и др., 1988, с. 589, 596]. Но сторонятся не только ребята: *«Потом Зин-Пална изменила ко мне отношение. Потом ушли неко-*

торые из пионеров. Наконец, в учкоме обещали снять» [Кассиль и др., 1988, с. 597]. Все это буквально обрушивается на Рябцева и, наконец, приводит его к прозрению: *«Я теперь вижу, что я индивидуалист»* [Кассиль и др., 1988, с. 599]. При этом внешне герой не выключается из «семьи», он даже упрочивает свои позиции в ней — получает партбилет, однако явное несоответствие идеологии, бунтарство, которое все чаще проявляется в Рябцеве, приводит к молчаливому отстранению от него.

То же тихое бойкотирование внутри «семьи» происходит и с Борисом Гориковым у Гайдара. Непослушание героя приводит к гибели Чубука, далее — срыв задания порождает ложь, за которой следует разгром роты Галды. Отчуждение в отряде следует сразу же после свершения ошибок: *«Дружбы особой нет ни с кем. Мало того, косятся даже ребята. Уж на что Малыгин всегда, было раньше, поговорит, позовет с собой чай пить, расскажет что-нибудь — и тот теперь холодней стал...»* [Гайдар, 1967, с. 238]. Формально Бориса никто из отряда не гонит, но нарастающее внутреннее неприятие Горикова неизбежно влечет за собой гнетущее чувство одиночества и растерянности.

В романе А. Авдеенко «Я люблю» одиночество Саньки Голоты является его наказанием за гордость и сомнение, которые он взрастил в себе благодаря Быбочкину. Попытка исправления, заключающаяся в решении *«начать войну с крысавцем»* [Авдеенко, 1979, с. 539]: деятельная помощь родственникам Непоцелуева в решении жилищного вопроса (*«незабываемый, красный день в моей жизни!»*) [Авдеенко, 1979, с. 543]), отказ от социалистической премии, несогласие подписать опись имущества Родиона Атаманычева — все это перечеркивается минутным малодушием: он не гонит от себя Асю Атаманычеву — *«Она беспутно улыбается, а я не гоню ее»* [Авдеенко, 1979, с. 634] — и эта ошибка оборачивается гибелью Лены. Примечательно, что Голота в финале наказывает одиночеством себя сам: когда в полубреду он пытается осознать смерть Лены, его подсознание рисует страшные картины покинутости, в которых он теряет не только возлюбленную и их неродившегося ребенка, но и свою идеологическую «семью»: *«Хмуρο отворачиваются люди: Антоныч, Алеша, Гарбуз, Родион Ильич, Губарь, Серго, Ленин. Нет у них для меня милости»* [Авдеенко, 1979, с. 633]. Санька не может простить себя и не разрешает этого другим: именно его ослепление музейными идеями Быбочкина, гордость и сомнение не позволили сразу оттолкнуть от себя Асю еще в то время, когда она начала увиваться за ним. Одиночество — то наказание, которое Санька сам избирает для себя.

В романах перевоспитания, как уже было сказано выше, мотив одиночества проявляется и усиливается в момент нахождения протагониста на стороне «старого мира» и становится ключевым в программе его пере-

воспитания — в решении перейти границу этого мира. При этом стоит отметить, что одиночество проявляется во внешней брошенности протагониста: если в романе воспитания наказуемый герой формально остается в рамках «семьи» и испытывает ее внутреннее охлаждение к себе, то в романе перевоспитания он претерпевает подлинное одиночество — и внешнее, и внутреннее. Так, полная покинутость Матвея Коренистова очевидна в тот момент, когда после выдачи дочерей замуж из дома на ночевку к Стеше уходит жена. Время для героя буквально останавливается — часы перестают «тикать», а лампа горит не переставая, мешая в его сознании день с ночью: «Коренистов ощущал настойчивую потребность быть среди людей, видеть и слышать их» [Бондин, 1957, с. 391]. Чувство одиночества в романе перевоспитания образует в душе протагониста некую пустоту, которая требует последующего заполнения. Именно в этот момент он готов слушать и воспринимать сказанное: он идет к Родиону Мокеичу и впервые позволяет себе засомневаться в правильности своей позиции.

Справедливости ради, отметим, что фактически то же характерно и для соцреалистической драматургии. Так, в «Страхе» Афиногенова после ареста Ивана Ильича предают его единомышленники: Захаров сообщает следствию, что именно Бородин писал воззвание и пытался подкупить его, Варгасов — что профессор хотел переправить воззвание за границу и держал его в «ужасном страхе», любимый ученик — Кастальский — что Иван Ильич учил видеть его всюду «страх, голод и сумасшествие», что он был «хорошим политиком, он проповедовал, подстрекал, но сам оставался в стороне от борьбы» [Афиногенов, 1956, с. 147]. Это полное ощущение покинутости Бородин озвучивает после выхода из-под ареста: «Одинок, как пес» [Афиногенов, 1956, с. 154]. Образовавшийся вакуум заполняют Елена Макарова и Кимбаев, которые предлагают Ивану Ильичу работать вместе.

В романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» ощущение одиночества возникает у Кларка вместе с приездом в Советский Союз, как следствие неприятия его. И пока Кларк стоит на своих капиталистических убеждениях, это опустошающее чувство неотрывно следует за ним. Но как только он делает первые деятельные шаги в сторону принятия коммунистической идеологии — включается в ударническую работу после забастовки дальверзинцев, — он тем самым заполняет эту лауну. Преодоление чувства одиночества связано с принятием его в «большую семью»: *«Со времени памятной ночи, проработанной им на котловане, Кларк везде, куда б он ни повернулся, встречал эти лица. На улице, в столовой, на кавальере, в кино незнакомые коричневые парни встречали его улыбкой. Кларк на первых порах даже удивлялся, откуда у него появился такой широкий круг знакомых. В приветствии этом было больше, чем знакомство. Так приветствуют не*

просто знакомого человека, а *своего* человека» [Ясенский, 1988, с. 267]. Таким образом, во всех романах перевоспитания мотив вступления protagonista в «большую семью» является результатом преодоления мотива одиночества. Вход в «семью» для перевоспитуемого, как и в романе воспитания для брошенного подростка, является спасительным событием.

В некоторых романах, как мы уже указали, мотив вступления в «большую семью» реализуется в обоих вариантах и проявляется дважды: как правило, происходит это именно в романах воспитания — герой, переживший трудный период детства и юности, по великой удаче попадает в нее в первый раз, после чего, совершая ряд ошибок, наказывается чувством одиночества, наконец, переосмысливает свои заблуждения и вновь обретает расположение «семьи». Однако для обоих типов романа — и романа воспитания, и романа перевоспитания — общей становится вторая часть представленной схемы, где в связке идут несколько мотивов: мотив одиночества, мотив признания ошибок, мотив первичного (для романа перевоспитания) и повторного (для романа воспитания) принятия в «большую семью», получение второго шанса, принесение себя в жертву.

Подчеркнем, что мотивы одиночества, признания ошибок, получения второго шанса, принесения себя в жертву в соцреалистических романах, как правило, совмещаются. В «Разгроме» Морозка стыдится показаться Левинсону и Гончаренке после пьяного дебоша, и даже удар Дубова принимает со смирением: *«Конечно, теперь он может бить меня, я того заслужил — подумал Морозка и даже не огрызнулся»* [Фадеев, 2023, с. 172]. Признание своей ошибки дает ему возможность проявить себя в первой же вылазке — ему дается «второй шанс», воспользовавшись которым герой обнаруживает полное отречение от себя, которое еще совсем недавно было невозможно: *«<...> он так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего не подозревающих, доверившихся ему людей, что в нем не зародилось мысли о какой-либо иной возможности для себя»* [Фадеев, 2023, с. 183].

В «Дневнике Кости Рябцева» эта схема реализуется следующим образом. Рябцев, все сильнее ощущая одиночество, понимает: *«одному все-таки пробиваться трудно»* [Кассиль и др., 1988, с. 597], — и это приводит наконец-таки к признанию своего индивидуализма. Костя жертвует собой, пытаясь спасти Махузю от собственного отца, который хочет продать ее в жены, после чего просит Иванова снять его с пионерской должности и получает второй шанс: *«Вот что. Оставайся», — сказал он, барабанив пальцами по столу. — Это споначалу трудненько, теперь легче будет»* [Кассиль и др., 1988, с. 600]. Отметим, что здесь момент принесения себя в жертву и получение второго шанса стоят в противоположной последовательности, нежели в «Разгроме». Жертвенная самоотверженность Мороз-

ки и Рябцева как бы искупает стихийность и индивидуализм каждого из них, является итогом их воспитания — очевидным доказательством верности коммунистическим идеалам.

Мотив признания ошибок Борисом Гориковым в «Школе» А. Гайдара подогревается чувством одиночества и проявляется в его молчаливом необдуманном героизме: *«Все эти дни были у меня заполнены одним желанием — загладить свою вину перед товарищами и заслужить, чтобы меня приняли в партию. Но напрасно вызывался я в опасные разведки. Напрасно, стиснув зубы, бледнея, вставал во весь рост в цепи, в то время, когда многие даже бывалые бойцы стреляли с колена или лежа. Никто не уступал мне своей очереди на разведку, никто не обращал внимания на мое показное героизм»* [Гайдар, 1967, с. 237]. Необдуманность сродни стихийности, а потому даже готовность принести себя в жертву не искупает вину Бориса перед отрядом до конца: требуется не только внешнее, но внутреннее изменение героя. Кроме того, соцреалистический роман предпочитает публичное признание ошибок: протагонист непременно должен заявить об этом либо устно, как, например, Рябцев — Иванову, Бородин — Кимбаеву с Еленой Макаровой, Коренистов — жене Марии Петровне, Джим Кларк — Полозовой, либо письменно, как, например, Чапаев или Борис Гориков. Такое признание означает публичное смирение, отречение от прежних заблуждений. В «Разгроме» такое публичное признание заменено публичной поркой, которую Морозка сносит со смирением. В романе «Я люблю» отсутствие публичного покаяния приводит Голоту к самобичеванию — обречению себя на одиночество, исключению из «семьи». В «Матвее Коренистове» А. Бондина схема мотивов одиночества — признания ошибок — входа в «большую семью» — получения второго шанса реализуется именно в такой последовательности: Коренистов и Бородин, потеряв все свое близкое окружение, признают свои прежние заблуждения, после чего принимаются в «семью». Второй шанс Коренистова заключается в даровании ему второго рождения: *«Ему казалось, что он помолодел»* [Бондин, 1957, с. 404]; *«Нахмуренные брови будто приподнялись, из-под них смотрят ласковые веселые пепельно-серые глаза»* [Бондин, 1957, с. 405].

Очередность мотивов в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» несколько изменена: одиночество — вход в «семью» — получение второго шанса — признание ошибок. Одиночество Джима Кларка исцеляется принятием его в «большую семью», после чего он выражает идеологическую незрелость, ставя личную жизнь выше общественной и настаивая на том, что Полозова — его женщина и она не может стать переводчицей Мури: *«Оказывается, все ваши сугубо советские установки — только внешняя скорлупа. В первый раз поскребли поглубже, и сразу вылез из вас пошлень-*

кий мелкий буржуа» [Ясенский, 1988, с. 397]. Кроме того, «юный» коммунист Кларк, подобно Борису Горикову, проявляет стихийный героизм, о котором предостерегает его Полозова: *«Подвергать опасности свою жизнь для скорейшего окончания строительства, это — очень красиво, но это еще не по-большевистски, поскольку нет в этом еще прямой необходимости»* [Ясенский, 1988, с. 446]. При этом в разговоре с Нусреддиновым Полозова решает дать Кларку второй шанс, и только после этого происходит признание им собственных ошибок [Ясенский, 1988, с. 446—447]. Смена очередности мотивов в романе Б. Ясенского транслирует лояльную программу воспитания человека капиталистического мировоззрения: Джим Кларк признает свои заблуждения, получив милость в виде принятия в «семью» и еще одного шанса начать новую жизнь.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав Bildungsroman фазы протоканона соцреализма, мы пришли к следующим выводам.

Романы середины 1920-х — начала 1930-х годов («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, «Школа» А. Гайдара, «Матвей Коренистов» А. Бондина, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Я люблю» А. Авдеенко) определили ключевые структурные особенности соцреалистического романа о становлении личности героя. Во-первых, объединяющим свойством соцреалистических романов о становлении личности становится акцентированный сюжет о трудном детстве протагониста (герой растет в неполной семье, семья не участвует в его воспитании), его побеге из дома и обретении им друга, который впервые сообщает герою революционные настроения; его функциональная роль — медиатор на границе двух миров — «старого» и «нового». Во-вторых, одним из обязательных событий, в которых герой принимает участие, становится митинг (стачка) как место его проверки на идеологическую верность или пространство формирования его взглядов. В-третьих, пограничным событием, разделяющим жизнь героя в нарративе соцреалистического романа, является Октябрьская революция, участие в которой позволяет протагонисту обрести «большую семью». В-четвертых, нарратив соцреалистического романа воспитания и перевоспитания представляет собой чередование устойчивых мотивов: одиночества, признания ошибок, получения второго шанса, принесения себя в жертву. Одиночество в соцреалистическом романе — своеобразное наказание героя за его свободолюбие, за отсутствие дисциплины, за то, что личные интересы поставлены выше общих. Но стихийность в соцреализме непременно должна быть побеждена. Становление героя — это всегда отказ от «личностного» в пользу общего, это сво-

образное жертвоприношение, совершаемое во имя социализма. Жертва эта не выглядит жертвой в рамках коммунистической идеологии, это единственно правильный путь. Такое становление — согласимся с К. Кларк — трудно назвать персонализированным, оно ритуализировано и лишено самооценности. На первый план выступает трансформация идеи — от стихийности к сознательности, а потому уже романы, относящиеся к фазе протоканона, транслируют схематизм. Любое действие героя в произведении соцреализма превращается в функцию и служит достижению конечной цели — полному приятию протагонистом коммунистической идеологии. Личный опыт становления героя от индивидуализма к коммунизму и сознательности становится путём сотен других стихийных личностей.

Примечательно, что романы фазы протоканона не дают полной «программы» развития героя вплоть до зрелости, не охватывают серьезный хронологический период в его жизни, оставляя его как бы на пороге дальнейших подвигов на службе строительства «светлого будущего», не предлагают образца этого служения. Подобное замечание соотносится с мнением Ф. Йоста, который называл Bildungsroman «предроманом, прамбулой», поскольку в нем рассказывается о становлении человека в самом начале его пути до тех пор, пока он не будет готов «продолжить свой роман» [Jost, 1969, с. 99]. Очевидно, что фаза соцреалистического протоканона адаптировала традицию романа воспитания под транслируемую в современный ему исторический период идеологию. В этой связи весьма справедливо замечание Ф. Моретти, назвавшего роман воспитания «символической формой» [Moretti, 1987], которая служила для Европы инструментом переосмысления современности. В продолжение мысли исследователя добавим, что в литературе соцреализма произошло то же самое.

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем осмыслении отечественной традиции Bildungsroman, изучении специфики её преломления в современной словесности (так, небезынтересно было бы сопоставить романы воспитания 1930-х годов с аналогичными образцами эпохи позднего соцреализма). Наконец, одной из перспектив может стать сравнительно-сопоставительный анализ особенностей романа воспитания на разных этапах его развития.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Осьмухина О. Ю. является членом редсовета журнала «Научный диалог».

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Olga Yu. Osmukhina is a member of the editorial board of the *Nauchnyi Dialog* journal.

Источники и принятые сокращения

1. *Авдеенко А.* Я люблю / А. Авдеенко. — Москва : Советская Россия, 1979. — 634 с.
2. *Афиногенов А. Н.* Пьесы / А. Н. Афиногенов. — Москва : Советский писатель, 1956. — 387 с.
3. *Гайдар А.* Школа / А. Гайдар. — Москва : Детская литература, 1967. — 255 с.
4. *Кассиль Л.* Кондуит. Республика ШКИД. Дневник Кости Рябцева / Л. Кассиль, Г. Белых, Г. Л. Пантелеев, Н. Огнев. — Москва : Детская литература, 1988. — 606 с. — ISBN 5-08-001155-6.
5. *Первый Всесоюзный съезд советских писателей.* Стенографический отчет. Москва : Советский писатель, 1934. — 718 с.
6. *Фадеев А. А.* Разгром / А. А. Фадеев. — Москва : Изд-во АСТ. 2023. — 192 с. — ISBN 978-5-17-152995-6.
7. *Фурманов Д.* Чапаев / Д. Фурманов. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1983. — 256 с.
8. *Ясенский Б.* Человек меняет кожу / Б. Ясенский. — Москва : Московский рабочий, 1988. — 575 с.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 186—237.
2. *Бахтин М. М.* Теория романа (1930—1961 гг.) / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 6 т. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 978-5-9551-0500-0.
3. *Гюнтер Х.* Жизненные фазы соцреалистического канона / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон / [под общ. ред. Ханса Гюнтера и Е. Добренко]. — Москва : Акад. проект, 2000. — С. 281—288. — ISBN 5-7331-0192-X.
4. *Дialeктова А. В.* Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения / А. В. Дialeктова. — Саранск : Издательство СГПИ, 1972. — 38 с.
5. *Добренко Е.* Поздний сталинизм. Эстетика политики. В 2-х тт. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — Т. 1. — 712 с. — ISBN 978-5-444-81149-8.
6. *Добренко Е. А.* Политэкономика соцреализма / Е. А. Добренко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с. — ISBN 5-86793-482-9.
7. *Добренко Е. А.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературы / Е. А. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. — 321 с. — ISBN 5-7331-0083-4.
8. *Лейдерман Н.* Парадоксы «Русского леса» / Н. Лейдерман // Вопросы литературы. — 2000. — № 6. — С. 29—58.
9. *Литовская М. А.* Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод / М. А. Литовская // Филологический класс. — 2008. — №1 (19). — С. 14-21. — ISSN 2071-2405.
10. *Литовская М. А.* Социалистический реализм как предмет рефлексии постсоветской прозы / М. А. Литовская // Советское прошлое и культура настоящего. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2009. — Т. 1. — С. 117—129. — ISBN 978-5-7996-0471-4.
11. *Маслова Т. Е.* Роман воспитания в творчестве Теккерея 1850-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Т. Е. Маслова. — Санкт-Петербург, 2002. — 23 с.

12. *Осьмухина О. Ю.* Специфика преломления традиции романа воспитания в прозе М. Шишкина (на материале «Записок Ларионова») / О. Ю. Осьмухина, И. Р. Куряев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 3. — С. 235—240.
13. *Пашигорев В. Н.* Роман воспитания в немецкой литературе XVIII—XX веков / В. Н. Пашигорев. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1993. — 142 с. — ISBN 5-292-01027-8.
14. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2000. — 336 с. — ISBN 5-288-01710-7.
15. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — 192 с. — ISBN 5-87604-152-1.
16. *Синяевский А.* Что такое социалистический реализм / А. Синяевский. — Париж : [б. и.], 1988. — 65 с.
17. *Социалистический канон* : сборник статей / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 1040 с. — ISBN 5-7331-0192-X.
18. *Шалагинов Н. В.* Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Шалагинов. — Нижний Новгород, 2006. — 191 с.
19. *Castle G.* Reading Modernist Bildungsroman / G. Castle. — Gainesville, FL : University Press of Florida, 2006. — 315 p. — ISBN 0-81302-983-X.
20. *Gunther H.* Education and Conversion : The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman / H. Gunther // The Culture of the Stalin Period. Günther H (Ed) ; Studies in Russia and East Europe. — Basingstoke : Macmillan, 1990. — Pp. 193—209.
21. *Jakobs J. W.* Meister und seine Brüder / J. Jakobs. — München : Fink, 1972. — 332 s. — ISBN 978-3-770-50879-2.
22. *Jost F.* La tradition du Bildungsroman / F. Jost // Comparative Literature 21. — 1969. — № 2. — Pp. 97—115.
23. *Moretti F.* The Way of the World : The Bildungsroman in European Culture / F. Moretti. — London : Verso. 1987. — 256 p. — ISBN 0-86091-159-4.
24. *Selbmann R.* Der deutsche Bildungsroman / R. Selbmann. — Stuttgart : Spectrum Fachverlage GMBH, 1994. — 296 s. — ISBN 978-3-476-12214-8.
25. *Swales M.* The German Bildungsroman from Wieland to Hesse / M. Swales. — Princeton : Princeton University Press, 1978. — 171 p.

Статья поступила в редакцию 03.01.2024,
одобрена после рецензирования 07.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.

Material resources

- Afinogenov, A. N. (1956). *Plays*. Moscow: Soviet writer. 387 p. (In Russ.).
- Avdeenko, A. (1979). *I love*. Moscow: Soviet Russia. 634 p. (In Russ.).
- Fadeev, A. A. (2023). *Rout*. Moscow: Publishing house AST. 192 p. ISBN 978-5-17-152995-6. (In Russ.).
- Furmanov, D. (1983). *Chapaev*. Gorky: Volga-Vyatka Book Publishing House. 256 p. (In Russ.).
- Gaidar, A. (1967). *School*. Moscow: Children's Literature. 255 p. (In Russ.).

- Kassil, L., Belykh, C., Panteleev, G. L., Ognev, N. (1988). *Conduit. The Republic of SHKID. Diary of Kostya Ryabtsev*. Moscow: Children's Literature. 606 p. ISBN 5-08-001155-6. (In Russ.).
- The First All-Union Congress of Soviet Writers. A verbatim report*. (1934). Moscow: Soviet Writer. 718 p. (In Russ.).
- Yasensky, B. (1988). *A man changes his skin*. Moscow: Moskovsky Rabochy. 575 p. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. (1975). The novel of education and its significance in the history of realism. In: *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Fiction. 186—237. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2012). Theory of the novel (1930—1961). In: *Collected works: in 6 volumes, 3*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 880 p. ISBN 978-5-9551-0500-0. (In Russ.).
- Castle, G. (2006). *Reading Modernist Bildungsroman*. Gainesville, FL: University Press of Florida. 315 p. ISBN 0-81302-983-X.
- Dialectova, A. V. (1972). *The educational novel in the German literature of the Enlightenment*. Saransk: Publishing House of the SSPI. 38 p. (In Russ.).
- Dobrenko, E. A. (2007). *Political Economy of socialist realism*. Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-482-9. (In Russ.).
- Dobrenko, E. A. (1997). *The shaping of a Soviet writer. The social and aesthetic origins of Soviet Literature*. St. Petersburg: Academic Project. 321 p. ISBN 5-7331-0083-4. (In Russ.).
- Dobrenko, E. (2020). *Late Stalinism. Aesthetics of politics. In 2 vols., 1*. Moscow: New Literary Review. 712 p. ISBN 978-5-444-81149-8. (In Russ.).
- Gunter, H. (2000). The life phases of the Socialist realism canon. In: *Socialist Realism canon*. Moscow: Akad. The project. 281—288. ISBN 5-7331-0192-X. (In Russ.).
- Gunther, H. (1990). Education and Conversion: The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman. In: *The Culture of the Stalin Period. Günther H (Ed); Studies in Russia and East Europe*. Basingstoke: Macmillan. 193—209.
- Jakobs, J. W. (1972). *Meister und seine Brüder*. München: Fink. 332 s. ISBN 978-3-770-50879-2.
- Jost, F. (1969). La tradition du Bildungsroman. *Comparative Literature* 21, 2: 97—115.
- Leiderman, N. (2000). Paradoxes of the “Russian forest”. *Questions of literature*, 6: 29—58. (In Russ.).
- Litovskaya, M. A. (2009). Socialist realism as a subject of reflection of post-Soviet prose. In: *The Soviet past and the culture of the present, 1*. Yekaterinburg: Ural University Press. 117—129. ISBN 978-5-7996-0471-4. (In Russ.).
- Litovskaya, M. A. (2008). Socialist realism as an “exemplary” creative method. *Philological class, 1* (19): 14—21. ISSN 2071-2405. (In Russ.).
- Maslova, T. E. (2002). *The novel of education in Thackeray's work of the 1850s*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).
- Moretti, F. (1987). *The Way of the World: The Bildungsroman in European Culture*. London: Verso. 256 p. ISBN 0-86091-159-4.
- Osmukhina, O. Yu., Kuryaev, I. R. (2016). The specifics of the refraction of the tradition of the novel of education in the prose of M. Shishkin (based on the material of Larionov's Notes). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 3: 235—240. (In Russ.).

- Pashigorev, V. N. (1993). *The novel of education in German literature of the XVIII—XX centuries*. Saratov: Saratov University Press. 142 p. ISBN 5-292-01027-8. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2000). *Historical roots of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 336 p. ISBN 5-288-01710-7. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 192 p. ISBN 5-87604-152-1. (In Russ.).
- Selbmann, R. (1994). *Der deutsche Bildungsroman*. Stuttgart: Spectrum Fachverlage GMBH. 296 s. ISBN 978-3-476-12214-8. (In Germ.).
- Shalaginov, N. V. (2006). *Russian literature of socialist realism and the problem of its genesis*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 191 p. (In Russ.).
- Sinyavsky, A. (1988). *What is socialist realism*. Paris: [B. I.]. 65 p. (In Russ.).
- Swales, M. (1978). *The German Bildungsroman from Wieland to Hesse*. Princeton: Princeton University Press. 171 p.
- The Socialist Realist canon: a collection of articles*. (2000). St. Petersburg: Academic Project. 1040 p. ISBN 5-7331-0192-X. (In Russ.).

*The article was submitted 03.01.2024;
approved after reviewing 07.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*